

явления природы, используются в метафорических значениях. Поэты военных лет конструируют цветовой образ мира, похожий на общекультурное массовое цветное восприятие Великой Отечественной войны.

#### Список использованных источников

1. Борисова, Д. Н. К проблеме выбора термина для названия форм цветообозначения в языке / Д. Н. Борисова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. Филология. Искусствоведение. Вып. 23. – 2008. – № 21 (122). – С. 32–37.
2. Романова, Н.Н. Знаки прошлого и настоящего : краткий словарь / Н. Н. Романова, А. В. Филиппов, В. М. Панькин. – М. : Флинта : Наука, 2007.
3. Славянские древности : этнолингвист. Слов.: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. – М.: Междунар. отношения, 1995.
4. Стихи военных лет : сб. / сост. А. П. Михайлова. – Калининград : Калининград. кн. изд-во, 1974.
5. Фоли, Д. Энциклопедия знаков и символов / Д. Фоли. – М.: Вече, АСТ, 1997.
6. Ровнер, А. Энциклопедия символов, знаков, эмблем / А. Ровнер, В. Андреева, В. Куклев. – М. : Локид : Миф, 1999.

*О. Г. Казак, кандидат исторических наук  
БГЭУ, г. Минск  
А. С. Середа, магистр исторических наук  
СШ № 3, г. Жабинка*

### СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ОБРАЗ ПОЛЕШУКА В ПУБЛИЦИСТИКЕ АКТИВИСТОВ ЗАПАДНОПОЛЕССКОГО ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В БЕЛАРУСИ (КОНЕЦ 1980-х – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1990-х гг.)

В основе западнополесского этнополитического движения (конец 1980-х – первая половина 1990-х гг.) лежала идея отдельного полесского (ятвяжского) этноса, проживавшего в Брестской области Беларуси. Активисты движения добивались предоставления национально-культурной автономии региону [5].

Устойчивые человеческие сообщества (народы, племена, религиозные общины, сословные, классовые, субкультурные и иные группы), как правило, обладают определенным набором поведенческих, антропологических, культурных особенностей, отличающих их от иных человеческих коллективов. Данный набор фиксируется либо в некоем декларативном документе, имеющем нравственный авторитет и, нередко, юридическую силу (например, Десять заповедей, Бусидо, Моральный кодекс строителя коммунизма и т.д.), либо в качестве комплекса расплывчатых, не до конца оформленных, но осознаваемых, поддерживаемых и воспроизводимых большей частью общества морально-волевых и этических черт (например, Прусские добродетели, Пуританская мораль и т.д.).

Западное Полесье (заявленная территория проживания полешуков) располагается на территории Республики Беларусь, Украины и Польши; идеологам движения необходимо было показать существование инакового (относительно белорусов, украинцев, поляков и других народов) полесского населения, выделив отличительные особенности местных автохтонов и, тем самым, сконструировав некую модель, на которую нужно было равняться жителям региона. Это послужило бы моральной, культурной, политической легитимацией движения и возможных социокультурных и политических требований в будущем.

В апреле 1988 г. было создано Общественно-культурное объединение (далее – ОКО) «Полісьсе». С 1989 г. членами «Полісься» издавались газеты «Балесы Полісься» и «Збудінне» [6]. С октября 1989 г. по декабрь 1991 г. объединение действовало под эгидой Белорусского фонда культуры [4, с. 4–5].

Газета «Збудінне» являлась основным рупором, посредством которого идеологами движения создавался стереотипный образ полешука.

Какими же чертами обладал этот образ?

1) Древний обитатель региона.

Подчеркиваются древние корни местного западнополесского жителя, который ведет свою родословную от пращуров древней Ятвяжской державы, якобы существовавшей в 944–1314 гг. [11]. Данный лейтмотив встречается почти в каждом из номеров газет «Балесы Полісься» и «Збудінне». Местный житель («полешук» или «ятвяг»), со слов авторов, отделял себя от окружающих «плымней» (народов, народностей, наций) – поляков, «москалей» / «росейцев» (русских), «лытвынов» (белорусов), «русынов» (украинцев) [2]. В дальнейшем ятвяг якобы славянизировался и забыл о своем прошлом. Отмечается, что среди местных крестьян «велика была часть шляхетского рода» [11], что можно трактовать как наличие среди местных жителей потомков некогда существовавшей элиты общества.

2) Жертва воздействия со стороны соседей.

Идеологами особо подчеркивалась умышленная или случайная роль представителей «чужих» народов в том, что полешук забыл свое происхождение. Так, в самом первом номере газеты «Збудінне» автор приводит следующее легендарное описание этого процесса:

«С легкого слова петербургского пана, который посетил нашу землю в XIX в., пошла странствовать по миру ошибочная мысль, что полешуки (ятвяги) такие затюканные люди, что даже сознательно не хотят, чтобы их считали за людей. Почему появилась такая ошибка? Из непонимания российским паном полесского языка. На оклик полесского сельчука “Эй! Человек”, крестьянин ответил: “Я не человек, а полешук”, поняв слово “человек” по-своему (как мужик), и воспринимая себя не за мужика, а свободным человеком» [11].

Подобные обвинения стали одним из основных инструментов самоидентификации конструируемого сообщества. «Ятвягов переделывают, преобразуют, зачисляют, а они лишь покорно наблюдают за своим переkreщиванием, покорно, порой с усердием, грузят воз то одной, то другой, то третьей, то четвертой культуры, совершенно не думая о том, что имеется своя культура, воз которой совсем стоит пустой в ожидании груза» [19].

По отношению к государствам, в состав которых входило Западное Полесье, применяется негативное содержание: «Царисты, церковники, пилсудчики и сталинисты с брежневистами долго нас дурили, долго нас калечили и мордовали» [10].

Идея пагубного воздействия соседей стала приобретать гипертрофированные очертания. Так, в одном из ответов на письмо читателя редакция, отвечая на обвинения в неразвитости и отсталости культуры региона, ссылаясь на «1000 лет засилья болгарско-церковнославянского языка, 400 лет польского, 200 лет влияния российского, да 50 последних лет переписывания нашего фольклора на белорусский лад» [9].

Из такого положения вещей закономерно выходила следующая черта.

3) Политически и культурно несамостоятельный человек.

Лидер движения Н. Н. Шелягович так сформулировал эту черту: ятвяги, будучи в психологическом плане довольно самостоятельными людьми, в национальном же плане очень зависимы [17]. В другой статье автор повествует, как на фоне событий, связанных с процессом распада СССР, полешуки, именуемые Н. Н. Шеляговичем «нашими людьми» («нашы людзы»), проживавшие в крупных столичных городах (Вильнюс, Минск), никак не осознавали себя «ятвягами», негативно относились к набирающим силу национальным движениям и отождествляли себя с русскоязычными жителями. Н. Н. Шелягович в связи с этим делал вывод о том, что вывести столичных жителей из рядов «советского патриотизма» может только свое полесское возрождение [18]. Отсюда вырисовывается следующая черта полешука.

4) Природосообразный сельский житель, ограниченно затронутый урбанизацией.

В изданиях ОКО «Полісьсе» рисуется ландшафт обитания этноса: сельская местность на фоне лесов, рек, болот и озер. Место обитания – поселки городского типа, большие и малые деревни, села и хутора, в которых господствуют горизонтальные социальные связи (все, как правило, знают друга друга прямо или опосредованно). Крупные городские поселения скорее являются символическими столичными центрами, которые, однако, выступают автономным этнопространством. Основная инфраструктура – небольшие дороги, маленькие железнодорожные станции и полустанки, остановки маршрутных транспортных средств в сельской местности. Описание родного для полешука этнопространства содержится в ряде прозаических произведений конца 1980-х гг. А. И. Трушко (псевд.

Алесь Наварич), который являлся заместителем председателя ОКО «Полісьсе». В них отчетливо показано противопоставление села и города.

В произведении «Летчики» повествуется о молодежи Западного Полесья, представители которой в советский период ощущали свою инаковость, культурную и поведенческую отсталость по сравнению с жителями крупных городов. Подростки, приехав из родного села поступать в университет Минска, поражены как богатством столицы Советской Беларуси, так и заметными культурными различиями между их родным селом и крупным городом [8, с. 29].

Центральное место в произведении «Нелюдь» занимает небольшая железнодорожная станция в Западном Полесье в первые послевоенные годы, символизирующая связь местных жителей с «внешним миром». На станцию прибыли «мешочники-восточники», обменивающие у местных жителей свои вещи на еду. Главный герой – подросток Иван – видит в «восточниках» предвестников коллективизации и других преобразований советской власти: «Свое в колхозах поели – приехали к нам – наше съедят, а что потом? Словом – нет порядка». Часто сменявшиеся государственные режимы, с которыми Иван сталкивался прежде всего через образовательную систему, характеризуются как «чужие»: «Учили годок в польской школе, гоняли на эту же станцию в бандеровскую школу». В произведении прослеживается противопоставление нищих пришлых «восточников», которые склонны верить в коммунистические идеалы, и полешуков, живущих автономно, на земле, имеющих скромный, но стабильный достаток и не желающих участвовать в социальных экспериментах [8, с. 60].

#### 5) Антикоммунист и противник партийной номенклатуры.

В первом же номере газеты «Збудінне» члены объединения декларируют противопоставление себя «партийно-аппаратной власти», которую возглавляют «бестолковые», «поединенные / повязанные/ склеенные» чиновники [10]. Советская верхушка аллегорически сравнивалась с редким природным феноменом – крысиным королем (в оригинале – «страшны́й шчырыны́ батко»): все советские проекты, реализованные в прошлом и намеченные на будущее, метафорически ассоциируются с «покорностью крыс крысиному королю» [13]. Отрицательное отношение к номенклатуре весьма колоритно изображено в рассказе А. И. Трушко «Нация муравьев» – герой, имеющий типичные атрибуты советского чиновника (костюм, галстук, кожаный портфель), целенаправленно уничтожает на железнодорожном полустанке небольшую колонию муравьев, которые до этого смогли выжить в сложных обстоятельствах, вызванных ремонтом станции. Автор произведения утверждает, что, в образе трудолюбивых, живучих муравьев представлен полесский народ, намеренно уничтожающийся партократом [8, с. 66–68].

Совокупность данных воззрений развилась в следующей черте.

#### 6) Скептик. Антимодернист. Критик социокультурных экспериментов.

В статье «С кем идет «Полісьсе?» автор Н. Н. Шелягович, выражая волю членов движения, утверждал: «...Мы – против диктатуры любой номенклатуры, партии, против диктатуры любого центра, будь им Москва, Минск или Киев, против диктатуры неродного нам – языка, культуры, истории. ... Радиация, мелиорация, нитраты, биохимия... сколько будет длиться издевательство над этим несчастным людом... Наверное столько, сколько мы сами позволим издеваться над нами и нашими детьми» [17]. Показательным литературным образцом антимодернизма с глубинным содержательным смыслом является рассказ А. И. Трушко «В поезде». Главные герои безуспешно ищут среди пассажиров поезда «своих». В негативных красках описываются люди, которые забыли традиции своего народа и абсолютизируют достижения прогресса («интеллигентное быдло», «беспардонные хомяки и утки, отрекшиеся от человеческого имени»). В диалоге главных героев подчеркивается важность возрождения архаичных традиций: «Мы должны ничего не терять своего». – «Не только ничего не терять, но и восстанавливать то, что потеряли». Образ ушедшего прошлого представлен в виде миража: пассажиры поезда видят вдали замок, но, приближаясь к нужному месту, обнаруживают лишь руины. В руинах пассажиры видят остолбеневших немых детей в одежде с изображениями западных мультипликационных героев (отсылка к массовой культуре, пришедшей на смену народным традициям), которых пытаются спасти из руин. Однако дети отказываются уезжать, веля героям скорее бежать к поезду, который может уехать без них [8, с. 71–74].

Помимо недоверия к технократическому миру и массовой культуре проявлялось и аккуратное, но отчетливое противодействие белорусизации, развернувшейся в начале 1990-х гг. Так, в статье «Я ненавижу этот язык» описан эпизод, как житель города Кобрин, западный полешук, некто И. Сидорук «цудоўна размаўляў па-беларуку», и был пристыжен словами: «Что с тобой? Перестань, пожалуйста! Я не могу это слышать! Я просто ненавижу белорусский язык!». «Засмушался И. Сидорук, задумался над тем, к чему может привести упрямое нежелание осознать: кто ты есть? на какой земле живешь?

для чего ты сюда пришел!?» [20]. Данный примечательный эпизод раскрывает следующую черту образа полешука.

7) Нравственный, скромный, миролюбивый, человек.

В первом же номере газеты «Збудінне» декларировалось: «Тот, кто проповедует сталинские, фашистские и прочие антилюдские взгляды, поддерживает административно-командные методы бюрократического управления, пропагандирует расизм, шовинизм, национализм, религиозную и иную нетерпимость, кто допускает насилие даже с наилучшими намерениями как то во имя “светлого будущего”, не может быть членом объединения» [10].

Историк С. П. Жлоба весьма точно раскрывает эту сторону характера жителей Полесья следующим образом: «Нормы морали, нравственности всегда освящались и оправдывались религией. Полешук оправдывает любые нарушения нравственности пришлому чужаку (восточнику, ляху, литовцу, хохлу), но абсолютно непримирим к таким нарушениям со стороны “своего”» [3]. При этом, критикуя даже вопиющие, на взгляд полешука, явления, авторы не призывают к силовым методам борьбы. В этом отношении показателен следующий пример – критикуя ошибки партийной номенклатуры, авторы утверждают, что ее человеконенавистническую власть «остановит вода какого-нибудь вселенского потопа» [10, с. 2], то есть некая сторонняя сила, которая будет действовать без прямого указания или деяния полешука.

8) Сторонник синкретизма – народной религии.

Смысл этой черты отображен в одной из статей Н. Н. Шеляговича, в которой автор, отвечая на вопрос, что такое ятвяжская народная религия, утверждает, что это учение вобрало в себя как дохристианские обычаи, так и католические или православные ритуалы. Создатели новой идентичности имели тенденцию к романтизации язычества в противовес католицизму или православию, которые «тянули людей вбок» [16]. Отмечалось, что если ущемление свободы исходило от представителей католической или униатской конфессий, полешук становился подчеркнуто православным, если от представителей православной конфессии – полешук становился протестантом, если от атеистов – полешук оставался просто верующим, к какой бы конфессии он ни принадлежал [3]. Лейтмотивом газеты являлось осуждение разрушений и сносов храмов в предыдущие годы. В этом аспекте важно выделить один эпизод. В ночь с 17 на 18 ноября 1990 г. в Пинске, на площади имени Ленина, некто осквернил памятник Ленину, разбив о него пол-литровую банку с белой краской. Члены пинского отделения «Полісься» отмежевались от данного инцидента, призвав к христианскому милосердию. Вместе с тем на страницах газеты упоминалось, что на месте памятника Ленину до 50-х гг. XX в. стоял красивый и величественный христианский храм, взорванный и разрушенный ленинцами. Статья была завершена фразой: «Что посеяли, то и пожинайте, товарищи ленинцы. Ищите ведьму там, кого вы на вандализм и настроили» [14].

9) Сторонники «естественного капитализма».

Для характеристики данного явления уместно сослаться на мнение историка С. П. Жлобы, описавшего его следующим образом. «Полешук давно научился обретать экономическую свободу. С очень давних пор Давид-Городок и его окрестности снабжали сначала Российскую империю, а потом Польское государство, а затем бывший СССР семенами овощных и цветочных культур. Окрестности Лунинца “специализировались” на клубнике. Лесные деревни Столинщины и Пинщины до сих пор возят грибы и ягоды в разные крупные города, начиная со Львова и заканчивая Санкт-Петербургом. В многочисленных местечках (да и деревнях) до сих пор живы непревзойденные по мастерству ремесла. Наконец, от Дальнего Востока до Литвы и от Тюмени до юга Казахстана сколько построено полесскими плотниками – кто считал? Полесье, по существу, всегда жило в атмосфере рыночных отношений, и этот бесценный опыт как-то остался незамеченным» [3].

Умение обрести экономическую свободу через свой труд, умение нейтрализовать препятствие, не прибегая к «силовым методам» борьбы, оставаясь внешне покорными, даже «начальстволюбивыми» – отличительная черта стереотипа поведения полешука. Идея коммунизма была объявлена «глупостью» (в оригинале – «бзык») [7]. На страницах печати приводилось немало примеров и мнений, разоблачавших изнанку коммунизма, оправдывавших развитие рыночных отношений, которые, по мнению идеологов, должны были способствовать развитию культуры и национального сознания [15]. Показательным является мнение одного из жителей Западного Полесья, высказанное в интервью: «В 1917 г. и 1939 г. собственность отнимали большевики, а немцы в 1941 г. вернули. Зачем я это вспоминаю – для того, что если бы у нас была земля, и у каждого своя, то ни у кого бы не спрашивали, какую культуру развивать и каким языком говорить, детей учить» [1].

Примечателен, однако, тот факт, что хозяйственная деятельность полешука, судя по материалам, должна была строиться на экономике аграрно-индустриального общества. В источниках слабо

представлены высокоразвитая промышленность, транспорт, напрочь отсутствуют высокие технологии и какие-либо передовые инновации.

Отмеченные в статье качества, на взгляд представителей западнополесского движения, являлись основными чертами идеального представителя полесского этноса. Представленный набор не является полным и в достаточной мере исчерпывающим, поскольку идеологи движения не смогли сконструировать образ в цельном воплощении, будь то мифический, исторический, литературный или футуристический герой – персонаж, который явил бы из себя сочетание данных идеалов. На страницах изданий западнополесского движения прослеживаются попытки наделить такими чертами ряд исторических персонажей. С 1990 г. появляются публикации о Т. Бульбе-Боровце – украинском националисте, создателе и руководителе «Полесской Сечи», который, по утверждению автора одного из исторических очерков, во главе «десятитысячной армии ... воевал на два фронта со сталинцами и гитлеровцами». «Полесским борцом за волю» назван польский революционер Р. Траугутт. Предпринята попытка представить последнего короля Речи Посполитой Станислава Августа Понятовского в образе «идеального правителя». Драматург В. Дунин-Мартинкевич, композитор и живописец Н. Орда, этнограф и фольклорист Н. Я. Янчук названы деятелями культуры, поэт и революционный демократ Ф. А. Савич, Р. А. Скирмунт – общественно-политическими деятелями Западного Полесья [4, с. 46–47]. «Героя нашего времени» из современных им людей авторы не представили.

По мнению историка С. П. Жлобы, национальное движение имеет шансы на успех в том случае, если его активисты смогут создать культурный продукт (роман, поэма, исторический эпос и т.д.), который будет пользоваться популярностью не только во «внутренней среде», но и у других народов [4, с. 55]. Центральным персонажем любого культурного продукта является стереотипный образ, имеющий как постоянные, так и изменчивые, сообразно с запросами исторического времени, черты. С задачей создания такого образа Н. Н. Шелягович и его единомышленники справиться не смогли.

#### Список использованных источников

1. Батюшка, А. Гыгымон-голодранец забрав все / А. Батюшка // Збудінне. – 1992. – 1–15 марта. – С. 4.
2. Брыль, В. Грамотей Бурский или «Разделяй и властвуй» / В. Брыль // Збудінне. – 1989. – Декабрь. – С. 4.
3. Жлоба, С. Дети Полесья. Свободный человек / С. Жлоба // Збудінне. – 1993. – 1–31 октября. – С. 4.
4. Казак, О. Г. Западнополесское этнополитическое движение в Беларуси (конец 1980-х – первая половина 1990-х гг.) : монография / О. Г. Казак, А. С. Середа. – Минск : Колорград, 2023. – 101 с.
5. Казак, О. Г. Институционализация западнополесского движения в Беларуси (вторая половина 1980-х – первая половина 1990-х гг.) / О. Г. Казак // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость : материалы XV Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 19–20 мая 2022 г. / Белорус. гос. экон. ун-т ; редкол.: А. В. Егоров [и др.]. – Минск, 2022. – С. 492–493.
6. Казак, О. Г. Источники по истории западнополесского этнополитического движения (конец 1980-х – первая половина 1990-х гг.) / О. Г. Казак, А. С. Середа // Актуальные проблемы источниковедения : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 27–29 апр. 2023 г. : в 2 т. – Витебск, 2023. – Т. 2. – С. 237–239.
7. Мыколажэвіч, Г. Комунызм чы капіталызм / Г. Мыколажэвіч // Збудінне. – 1990. – Март. – С. 4.
8. Наварыч, А. Ноч пацалункаў незалежнасці / А. Наварыч. – Мінск : Часопіс «Маладосць», 1989. – 110 с.
9. Ответ от редакции. Мова – то е дялехт + войсково-морский фліт // Збудінне. – 1992. – Апрель. – С. 2.
10. От рыдколігіі // Збудінне. – 1989. – Июль. – С. 1–3.
11. Помытаймо // Збудінне. – 1989. – Июль. – С. 4.
12. Статут Суўдіння // Збудінне. – 1990. – Март. – С. 2.
13. Трушкун, Л. Польшуку: Зы мыжою и вдома / Л. Трушкун // Збудінне. – 1990. – 1–15 сентября. – С. 6.
14. Удовыдчык, К. И здарылося в Пыньсковы... / К. Удовыдчык // Збудінне. – 1991. – Январь. – С. 2.
15. Удовыдчык, К. Мара сыльчука / К. Удовыдчык // Збудінне. – 1992. – 1–15 ноября. – С. 2.
16. Шелягович М. Нышы дыды-поганцы / М. Шелягович // Збудінне. – 1990. – Июнь. – С. 3–4.

17. Шелягович, М. С кем идёт «Полисьсе»? / М. Шелягович // Збудінне. – 1990. – 1–15 сентября. – С. 1, 3–4.
18. Шелягович, М. Польшуки: Зы мыжою и вдома / М. Шелягович // Збудінне. – 1990. – 1–15 сентября. – С. 5.
19. Шелягович, М. Ятвяжская национальная партия / М. Шелягович // Збудінне. – 1990. – Июль. – С. 2.
20. «Я ненавижу этот язык» // Збудінне. – 1992. – 1–15 мая. – С. 1.

*И. И. Калачёва, доктор исторических наук, профессор  
БГУ, г. Минск*

## ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК АКТУАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ: ОПЫТ БГУ

Проблематика исторической памяти является актуальным направлением исследований в социальных науках, особенно в аспекте междисциплинарных исследований. Такой опыт стал возможным в рамках работы над научно-исследовательским проектом «Историческая память в системе базовых ценностей белорусского народа как фактор межпоколенной коммуникации и информационной безопасности» (выполняется в БГУ с 2021 г., научный руководитель Калачева И.И., доктор ист. наук, профессор в рамках ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства», № госрегистрации 20212024 от 02.06.2021).

Результатом работы по теме стала коллективная монография, выполненная белорусскими учёными, специалистами в области гуманитарных наук. Авторы работы: Калачёва И. И., Барсук И. А., Беспанская-Павленко Е. Д., Воробьева С. В., Ефимова Н. В., Конькова О. В., Красковская Н. Н., Пивоварчик С. А., Пинчук И. В., Саликов А. Э., Сердюк В. В., Сидоренко И. Н., Шамрук А. С., Янушевич И. И. [1].

Впервые проблема изучалась комплексно, с использованием количественных и качественных методов исследования, на материале исследования белорусских респондентов. Была разработана методика исследования, проведена апробация многих гипотез на открытых дискуссионных площадках, отобраны наиболее важные методы работы.

Наиболее информативными из них стали социологический опрос по теме «Профиль поколений» (опрошено 389 респондентов) и фокус-групповые дискуссии, проведенные с представителями четырех поколений (жителями страны). Помимо социологических методов исследования, были использованы исторические, социально-психологические методы. Авторы обращались к данным социологических исследований, проведенных на ФФСН БГУ, в Центре социологических и политических исследований БГУ, в Институте социологии НАН Беларуси, статистическим данным и нормативно-правовой информации из открытых источников.

Некоторые результаты, зафиксированные в процессе работы над темой, нашли отражение в выводах, сделанных каждым автором в ходе научных поисков и совместных коллективных обсуждений.

Историческая память выступает фундаментальной ценностью белорусского народа, её значение и роль в обществе рассматриваются как связующий элемент в преемственности традиций. В работе представлено теоретико-методологическое обоснование данного феномена, очерчены практические направления развития исторической памяти в различных сферах. В методологическом разделе монографии, написанном философами Сидоренко И. Н., доктором филос. наук, Барсук И. А., кандидатом филос. наук, Воробьевой С. В., кандидатом филос. наук дано теоретическое обоснование феномена исторической памяти, рассмотрены основные подходы, представленные в социально-гуманитарных науках.

Впервые обращается внимание на изучение исторической памяти в контексте коммуникативной парадигмы, а также тех процессов, которые сегодня обусловлены влиянием информационно-коммуникационных технологий и цифровых трансформаций. В работе рассматривается основной предмет изучения – поколения белорусского общества: представлена характеристика послевоенного, советского поколений, поколения перестройки и современного (цифрового) поколения. По